
КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЭВОЛЮЦІОННОЙ ТЕОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ РЕЛИГИИ.

Съ терминомъ „первобытный“,—безразлично, прилагается-ли онъ къ отдѣльному человѣку и его религіи, или къ цѣлой эпохѣ и ея культурѣ—въ умахъ большинства представителей современнаго намъ т. н. „образованнаго общества“, воспитанныхъ на почвѣ дарвинизма и проникнутыхъ модными тенденціями эволюціонизма, безспорно соединено одно, вполне ясное и опредѣленное представленіе: по принятому здѣсь словопотребленію, этотъ эпитетъ характеризуетъ собой все то, что касается самыхъ первыхъ, изначальныхъ моментовъ человѣческой исторіи; именно, той ея эпохи, когда человѣкъ только-что обособился, выдѣлившись изъ семьи своего обезьяно-подобнаго предка, и впервые зажилъ свой собственной, еще полу-животной жизнью. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, терминъ „первобытный“ обычно служитъ синонимомъ животной грубости, дикаго варварства и темнаго невѣжества ¹⁾).

Исходя изъ такого взгляда на „первобытнаго“ полу-звѣря, полу-человѣка, рационалисты старой школы, поступая вполне логично, отрицали у него всякую религію, въ томъ справедливомъ убѣжденіи, что нельзя-же серьезно говорить о существованіи религіи,—явленія, предполагающаго во всякомъ случаѣ уже значительную степень духовнаго развитія,—у примитивныхъ субъектовъ, едва только поднявшихся надъ животной жизнью. Но свидѣтельства исторіи и факты опыта, въ формѣ наблюденія надъ жизнью современныхъ дикарей, окончательно испровергли гипотезу „первобытнаго ате-

---

¹⁾ *Brinton* „Religions of primitive peoples“ 11 p. New York—London—1898.

изма“ и твердо установили фактъ универсальности религiи на протяженiи исторiи всѣхъ временъ и народовъ. Въ виду этого, новѣйшiе натуралисты оказались вынужденными признать, что „вѣрованiя въ духовныя существа оказываются у всѣхъ низшихъ расъ, которыхъ удалось узнать ближе; тогда какъ свѣдѣнiя объотсутствiи такого вѣрованiя относятся или къ древнимъ племенамъ, или, къ болѣе или менѣе, неполно описаннымъ современнымъ народамъ“ ¹⁾. Дѣло дошло тутъ даже до того, что одинъ изъ видныхъ представителей разсматриваемаго направленiя самое утвержденiе о безрелигiозности нѣкоторыхъ племенъ называетъ „абсурдомъ, возможнымъ лишь вслѣдствiе плохаго знакомства съ ихъ языкомъ“ ²⁾.

Благодаря всему этому, отрицанiе религiи, какъ универсальнаго историческаго явленiя, — обычный приѣмъ стараго невѣрiя, — окончательно потеряло свой кредитъ даже въ школѣ крайнихъ рационалистовъ. Но оставивъ прежнiй, грубый приѣмъ борьбы, современное намъ невѣрiе пользуется, и къ сожалѣнiю далеко не безъ успѣха, другими, болѣе утонченными: оно не только не отрицаетъ теперь религiи, но наоборотъ, спѣшитъ указать слѣды ея повсюду, даже тамъ, гдѣ-бы этого и не слѣдовало, какъ напр. у различныхъ представителей животнаго царства; и что еще хуже, оно тенденциозно навязываетъ этому факту свое объясненiе, которое гораздо зловреднѣе и опаснѣе его прежняго, полнаго отрицанiя.

Обозрѣвая все богатство и безконечное разнообразiе существующихъ и когда-либо существовавшихъ формъ религiи, нельзя не замѣтить, что въ основѣ этого разнообразiя лежитъ нѣчто единое, нѣчто такое, что составляетъ сущность и душу религiи и что состоитъ въ свободномъ исканiи человѣкомъ живаго общенiя съ личнымъ Богомъ. Въ этомъ моментѣ религiи и заключается ея идеальный смыслъ, ея возвышающее и облагораживающее влiянiе. И вотъ, современные враги религiи выступаютъ съ утвержденiемъ, что идеальный элементъ религiи совершенно фиктивенъ; мысль

¹⁾ *Taylor* „Первобытная культура“ II, 8 стр. Перев. Коропчевскаго СПб. 1872 года.

²⁾ *Helicald* „Culturgeschichte“ 24 s. 1879.

о бытіи высшаго Существа и о возможности живаго общенія съ Нимъ въ религіи—не болѣе, какъ дѣтская иллюзія наивнаго сознанія; въ дѣйствительности-же, такъ называемое, религіозное чувство не имѣетъ будто-бы никакого особаго, высшаго происхожденія, — это обыкновенный, лишь „облагороженный инстинктъ животной природы“ ¹⁾. Сама-же религія, на ихъ взглядъ, есть ничто иное, какъ дѣтски наивное объясненіе различныхъ феноменовъ природы, культурный „пережитокъ“ (по терминологіи Тайлора) первобытнаго невѣжества, долженствующій разсѣяться и исчезнуть при свѣтѣ истинной науки. Отсюда, поскольку корни религіи лежатъ въ животной природѣ человѣка, она, по мнѣнію наиболѣе послѣдовательныхъ представителей эволюціоннаго натурализма, служитъ даже однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ тѣсной, внутренней связи природы человѣка съ міромъ животныхъ, а слѣдовательно—единства и общности ихъ происхожденія ²⁾. Вотъ до чего крайними адептами современной quasi „точной науки“ принижена религія — эта печать Бога въ человѣкѣ, та сила, которая вѣчно оживляла и вдохновляла его, служа источникомъ всѣхъ лучшихъ, идеальныхъ его стремленій!

Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ на сущность и природу религіозной вѣры, какъ начальные моменты религіознаго процесса, такъ и вся послѣдующая исторія его развитія, получаетъ въ подобной наукѣ особое освѣщеніе, въ духѣ модной для нашего времени теоріи эволюціи. Въ приложеніи къ религіи теорія эта впервые была обстоятельно развита и возможно обоснована Леббокомъ, въ его трехъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, гдѣ современныхъ дикарей онъ представляетъ масштабомъ культурныхъ стадій человѣчества за первобытную его эпоху ³⁾. Но собственно все то, что касается богатаго соединенія и искусной обработки матеріала для ги-

1) *Caspari* „Die Urgeschichte der Menschheit“ 302 s. I. Leipzig 1887.

2) *Hellwald* „Culturgeschichtliche Randglossen“ 1873. См. Zöckler „Die Lehre vom Urstand des Menschen“ 2 s. Gütersloh—1879. „Срав. „Гёксли и современное научное міровоззрѣніе“ *Н. Иванцова* Вопр. фил. и псих. XIII. 1892 г. 44—45 стр.

3) *Lubbock* „On Origin of civilisation“ 1867. „Prehistoric Times“ 1867 г. „On the origine of civilisation and the primitive condition of man“. 2 ed. London—1870.

потезы „соважизма“, или первобытной дикости, выполнено Тайлоромъ, корифеемъ въ этой области изслѣдованія. Сочиненія Э. Тайлора, въ особенности его „первобытная“ культура“ (*Primitive Culture. Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom. London, 1871, I—II v.* Русскій переводъ подъ ред. Корончевскаго „Первобытная культура“ СПб. 1872 г.), должны разсматриваться, какъ *standard work's* натуралистическо-эволюціоннаго направленія въ области позитивно-религіознаго изслѣдованія. Слѣдовательно, на него мы съ полнымъ правомъ можемъ смотрѣть, какъ на самаго типичнаго представителя теоріи религіозной эволюціи и его взгляды считать послѣднимъ словомъ этой гипотезы. И Тайлоръ, подобно Лейбоку, представителя „первобытнаго человѣка“ видитъ „въ современномъ дикарѣ“, наблюденіе надъ жизнью котораго и служитъ у него точкой отправленія для сужденій объ его проблемматическомъ прототипѣ.

Къ воззрѣніямъ двухъ только что названныхъ корифеевъ натурализма тѣсно примыкаетъ еще одинъ выдающійся современный ученый—Гербертъ Спенсеръ—съ именемъ котораго связана наиболѣе теперь распространенная „теорія анимизма“ первобытныхъ вѣрованій. По этой теоріи „источникомъ и вмѣстѣ основаніемъ вѣры въ Бога служитъ глубоко присущее какъ дикарямъ, такъ и цивилизованнымъ народамъ, вѣрованіе въ духовныя существа, составляющее древнюю и новую философію, которое въ теоріи выражается въ формѣ вѣры, а на практикѣ—въ формѣ почитанія“ ¹⁾. Руководясь, по обычаю всѣхъ эволюціонистовъ, аналогіей, защитники анимистической теоріи считаютъ изначальной ту форму религіи, какую мы находимъ теперь у наиболѣе развитыхъ племенъ человѣческаго рода; или-же, прибѣгая къ помощи психологическаго наблюденія, пытаются выяснитъ себѣ самыя первые проблески религіознаго сознанія человѣка въ его младенческомъ возрастѣ и отсюда вывести заключеніе о древнѣйшей религіи человѣчества ²⁾. По при-

¹⁾ А. П. Введенскій „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“ 71 стр. Москва 1891.

²⁾ В. Д. Кудрявцевъ „Религіи некультурныхъ народовъ“ II т. II в. 239 стр. Сер. Посадъ 1892 г.

мѣру родоначальника современнаго позитивизма—О. Конта, различавшаго въ теологическомъ состояніи человѣческаго ума три послѣдовательныхъ стадіи, и въ развитіи анимизма указываютъ три основныхъ момента—собственно анимизмъ, политеизмъ и монотеизмъ, — которые, впрочемъ, смѣняютъ другъ друга почти незамѣтно, путемъ множества посредствующихъ ступеней

Начавшись съ дѣтски-наивной, мифообразующей поэзіи, религія, по воззрѣнію эволюціонистовъ, постепенно, хотя и крайне медленно, совершенствуется и утончается, принимая видъ философской обработки культурныхъ вѣрованій. Продолжая свое дальнѣйшее, поступательное движеніе въ указанномъ направленіи, религія, въ концѣ концовъ, должна исчезнуть, разрѣшившись въ трезвую прозу знанія, исключаящаго всякую вѣру, какъ его ненаучный суррогатъ. Таковъ взглядъ на происхожденіе и развитіе религіи, господствующій въ современной, quasi „точной наукѣ“. Подъ этимъ угломъ зрѣнія написано большинство современныхъ популярныхъ трактатовъ и цѣлыхъ капитальныхъ изслѣдованій по вопросу о первобытной религіи и культурѣ ¹⁾. Въ нихъ догматически утверждается естественное происхожденіе человѣка, а его религія трактуется въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія обыкновенныхъ, животныхъ инстинктовъ.

Всего сказаннаго нами, кажется, вполне достаточно для доказательства того положенія, что терминъ „первобытная религія“ имѣетъ въ современной позитивной наукѣ вполне ясный и опредѣленный смыслъ, поскольку имъ характеризуется такое состояніе религіи, когда она была дѣтски-наивнымъ, непосредственнымъ міросозерцаніемъ, полнымъ темнаго невѣжества и грубого суевѣрія, на подобіе примитивныхъ религіи современныхъ намъ обитателей Южной Африки, или острововъ Полинезіи. Этотъ общій взглядъ на первобытную религію напелъ свое частное выраженіе въ

¹⁾ Кроме вышеуказанныхъ сочиненій Леббока, Тайлора и Спенсера, можно отмѣтить еще трудъ *Caspari* „Die Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürl. Entwickel. der frühesten Geistesleben“ I—II Leipzig 1897 г. *Линпертъ* „Исторія культуры“ СПб. 1894 годъ. *Лебверъ* „Первобытные люди“ СПб. 1892 г. *Hoerens* „Urgeschichte des Menschen nach den heutigen Stande der Wissenschaft“. 1892 г. и т. п. Больше мелкую, въ особенности-же, журнальную литературу см. у *Zöckler'a* „Op. cit 147—148 s.

господствующей теперь теоріи „анимизма первобытныхъ вѣрованій“. Что послѣдняя основана не на какихъ либо твердыхъ положительныхъ данныхъ, а именно, на гипотезѣ „первобытной дикости („сважизма—sauvage“) человѣчества. Это всего лучше видно изъ признанія самихъ же эволюціонистовъ. Авторы наиболѣе популярныхъ исторіи религіи, стремясь стать на уровеньъ науки, спѣшатъ безъ провѣрки принять и слѣпо исповѣдывать эти, sui generis основные догматы эволюціонизма. „Первое и главное наше предположеніе—хвастливо заявляетъ одинъ изъ нихъ—состоитъ въ томъ, что религія, какъ и другія стороны человѣческой жизни, развивалась съ самаго начала и доселѣ, и что развитіе это совершалось по обычнымъ законамъ человѣческаго прогресса“¹⁾. „Дикарь и первобытный человѣкъ—одно и то-же“, читаемъ мы у того-же автора: „теперь никто почти не держится того мнѣнія, что человѣкъ сначала былъ одаренъ знаніемъ и человѣчностью и лишь благодаря паденію и отклоненію отъ своего первобытнаго состоянія онъ сдѣлался дикаремъ“²⁾. И нашъ отечественный критикъ въ своей библиографической замѣткѣ объ этой книгѣ, вполне раздѣляя ея принципы, ставитъ даже въ особую заслугу автору его тенденціозно-эволюціонистическій взглядъ на религіозную исторію, называя его „руководящей точкой зрѣнія на предметъ“³⁾. Гипотеза эволюціи, въ качествѣ результата историческаго изслѣдованія, служить основнымъ методологическимъ принципомъ и въ трудѣ другаго выдающагося современнаго историка религіи⁴⁾. Вообще, представленіе о начальныхъ моментахъ религіозной исторіи человѣчества, или что то же о „первобытной“ ея формѣ, какъ о чемъ-то крайне грубомъ, варварскомъ и дикомъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ трудахъ всѣхъ историковъ извѣстнаго направленія, пользующагося научнымъ кредитомъ нашихъ дней.

¹⁾ Мензисъ „Исторія религіи. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ“. Перев. съ англ. М. Чешинской—3 стр. СПб. 1897 годъ.

²⁾ *Ibidem*—13—14 и 21 стр.

³⁾ Кн. Трубецкой „Вопросы философіи и психол. I. 1897 г. 56 стр.

⁴⁾ *Titel* „Geschichte der Religion im Altertum“ § 3 Die Entwicklungshypothese—5—6 s. Gotha 1895.

Предоставляя специалистамъ другихъ наукъ критику частныхъ тезисовъ и различныхъ основаній натуралистически-эволюціонной гипотезы, свою спеціальную задачу мы ограничиваемъ исторіей религіи. Дѣйствительно-ли, по безпристрастному суду этой исторіи, первобытная религія была самымъ грубымъ и несовершеннымъ ея видомъ, какъ учить эволюціонизмъ, тѣмъ минимумомъ религіи, который онъ видитъ въ анимизмѣ? Чтобы судить объ этомъ, посмотримъ, прежде всего, какія приводитъ эволюціонизмъ фактическія основанія въ доказательство своего тезиса?

Кромѣ различныхъ, дедуктивно-выведенныхъ, философскихъ предпосылокъ, служащихъ скрытымъ основаніемъ теоріи религіозной эволюціи, наличный составъ ея доказательствъ распадается на двѣ группы: въ одну входятъ данныя палеонтологіи, до исторической археологіи, этнографіи міеологіи, лингвистики и др. т. е. точныхъ наукъ; другую—составляютъ наблюденія надъ жизнью современныхъ дикарей, въ лицѣ которыхъ эволюціонисты хотятъ видѣть представителей первобытнаго человѣчества.

Что касается первой изъ этихъ группъ, то относительно нея, какъ не имѣющей рѣшающаго значенія въ нашемъ вопросѣ, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера. Прежде всего, по самому своему характеру, всѣ эти отрасли позитивной науки едва-ли способны привести кого-либо къ яснымъ, неопровержимымъ выводамъ, тѣмъ болѣе—убѣдить въ нихъ другихъ? Этому, помимо темноты сферы ихъ изслѣдованія, и необычайной трудности процесса препятствуетъ и значеніе самыхъ его результатовъ. Даже въ лучшемъ случаѣ, при успѣшной репродукціи памятниковъ до исторической жизни, они—не болѣе, какъ нѣмые знаки, получающіе свой смыслъ отъ субъективнаго истолкованія ихъ изслѣдователя. Этимъ-то и объясняется то, явленіе, что нерѣдко одинъ и тотъ-же палеонтологическій матеріалъ въ рукахъ различныхъ изслѣдователей служитъ совершенно противоположнымъ цѣлямъ ¹⁾.

¹⁾ Такова напр. полемика Герцога Аржильскаго съ Леббоккомъ: въ новѣйшее время такой контрастъ представляютъ сочиненія *Reville* „Les religions des peuples non civilisées“ I—II, 1883 г. и *Schneider*'а „Die Naturvölker“ I—II, 1885—1886. Paderborn und Münster.

Если мы прибавимъ къ этому, что при настоящемъ состояніи науки, когда разработка указанныхъ ея отраслей почти только что началась, результаты ихъ крайне сбивчивы, туманны, а иногда и прямо противорѣчивы, то будетъ ясно какая критическая осторожность необходима въ отношеніи къ нимъ.

Во вторыхъ, нельзя упускать изъ виду и того весьма важнаго обстоятельства, что вещественные памятники доисторическаго прошлаго, какъ ни глубока древность многихъ изъ числа ихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ далеко не восходятъ къ первобытной эпохѣ. Преобладающее большинство палеонтологическихъ находокъ падаетъ на долю Европы и относится къ тому времени, когда у народовъ древняго Востока культурная жизнь находилась уже въ состояніи полного разцвѣта ¹⁾. „Отсутствіе ископаемыхъ предметовъ человѣческаго обихода, которые были-бы собраны въ нашихъ странахъ, достойно большаго сожалѣнія“—замѣчаетъ Катрфажъ: „Ничто не даетъ намъ права разсматривать Европу, какъ исходный пунктъ человѣческаго рода, или какъ мѣсто образованія первобытныхъ расъ. Всего этого должно искать въ Азіи“—заключаетъ тотъ-же выдающійся палеонтологъ ²⁾. Отсюда очевидно, что данныя современной палеонтологіи относятся къ сравнительно позднѣйшей эпохѣ, а не характеризуютъ собой изначальныхъ моментовъ человѣческой исторіи, развивавшихся на сценѣ средне и восточно-азиатской территоріи.

Наконецъ, если даже допустить, что палеонтологическая схема имѣетъ универсальный характеръ и что аналогичныя Европейскимъ палеонтологическія коллекціи нѣкогда будутъ подобраны и на мѣстѣ первобытнаго обитанія народовъ, то и тогда будетъ еще очень далеко до заключенія о крайней дикости, грубости культуры и полномъ духовномъ убожествѣ людей первобытной эпохи. Коренная ложь подобнаго заключенія, выводимаго эволюціонистами, состоитъ въ ошибочномъ смѣшеніи двухъ, совершенно различныхъ понятій.

¹⁾ См. у *Lenormant'a* „Les origines“ I, 135 p. 1881.

¹⁾ *Thomas* „Les temps primitive et les origines religieuses“ II, 63. Paris 1889.

²⁾ *Ibidem*, 135 p.

Данныя палеонтологін и др. доисторическихъ наукъ, дѣйствительно, свидѣтельствуютъ о постепенности культурно-матеріальнаго прогресса человѣчества и сравнительной грубости его начальныхъ формъ. Они, какъ показываютъ палеонтологическія коллекціи, имѣютъ дѣло съ предметами домашняго обихода, съ произведеніями механическихъ искусствъ, индустріи и вообще со всѣмъ тѣмъ, что относится къ области такъ называемой „матеріальной цивилизаціи“. Но не надобно забывать, что помимо этой и выше ея существуетъ другая, такъ сказать, духовно-нравственная цивилизація, развитіе которой, по свидѣтельству того-же опыта, идетъ своими путями, нерѣдко противоположными ходу первой. Подъ цивилизаціей или культурой духовно-нравственнаго строя мы разумѣемъ продукты творческой мысли человѣка, и главнымъ образомъ,—его религіознаго и нравственнаго чувствъ. Что эти двѣ цивилизаціи, т. е. матеріальная“ и „духовная“, не только не совпадаютъ и далеко не всегда развиваются параллельно, но часто серьезно расходятся между собой, многочисленныя доказательства этого мы можемъ видѣть на страницахъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, и наблюдать въ жизни какъ цѣлаго общества, такъ и отдѣльныхъ его представителей. Типичнымъ историческимъ примѣромъ этого рода можетъ служить античная цивилизація Греціи, и въ особенности, Рима, достигшая высшаго своего разцвѣта въ то самое время, когда религія и нравственность дошли тамъ до полнаго упадка. Обратный примѣръ подобнаго же взаимоотношенія между двумя рассматриваемыми цивилизаціями представляютъ наши современные крестьяне, семейный бытъ и религіозно-нравственный строй жизни которыхъ тѣмъ цѣльнѣй и чище, чѣмъ меньше онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ растлѣвающимъ вліяніемъ городской, въ особенности-же, фабричной культуры.

Отсюда ясно, что должно строго различать „матеріальную“ культуру отъ „духовно-нравственной“, и что, слѣдовательно, изъ анализа первой нельзя дѣлать никакого безспорнаго заключенія къ существу второй. Этимъ то, именно, недостаткомъ и грѣшитъ эволюціонизмъ, отождествляя различныя понятія и перепутывая исходныя точки зрѣнія.

А между тѣмъ, данныя палеонтологін, при правильномъ

опредѣленіи ея границъ, имѣютъ безспорное научное значеніе. Характеризуя, по преимуществу, матеріальную сторону жизни человѣчества они показываютъ, какія основныя стадіи развитія она прошла за свою многовѣковую исторію. И въ этомъ отношеніи общіе и наиболѣе достовѣрные результаты палеонтологіи представляютъ поразительное согласіе съ библейскими данными ¹⁾. Но коль скоро палеонтологъ, основываясь на своей коллекціи, начинаетъ говорить о крайней дикости и духовномъ убожествѣ ея творцовъ, то онъ покидаетъ почву фактовъ и пускается въ область гипотезъ, очень шаткихъ, а чаще и прямо ложныхъ.

Лучшимъ обличеніемъ такихъ тенденціозныхъ обобщеній служатъ сами же палеонтологическія находки. На многихъ, напр. предметахъ домашняго обихода, относящихся къ надревнѣйшему періоду человѣческой исторіи (эпоха пещерныхъ людей и сѣвернаго оленя), сдѣланныхъ изъ рога, кости или простаго кремня, мы находимъ, болѣе или менѣе, тонко исполненными изображенія тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя окружали тогда человѣка ²⁾. Троглодиты этого вѣка пытались даже воспроизводить цѣлыя сцены охоты ³⁾. И что особенно замѣчательно, подобныя художественныя изображенія встрѣчаются, въ качествѣ украшенія, на предметахъ самой грубой, несовершенной техники. Ясно, заключаетъ отсюда Ленорманъ, что „искусство предшествовало первымъ шагамъ матеріальной цивилизаціи. Уже въ этотъ примитивный вѣкъ, когда онъ едва вышелъ изъ состоянія дикости (въ смыслѣ матеріальной культуры), человѣкъ показываетъ, что онъ артистъ въ душѣ и владѣетъ чувствомъ красоты“ ⁴⁾. По свидѣтельству того-же ученаго, тро-

¹⁾ Общепринятымъ въ доисторической археологіи считается дѣленіе древнѣйшаго періода человѣческой исторіи на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный. Не иное что-либо предлагаетъ, повидимому, и Библия, когда изобрѣтеніе металлуріи приписываетъ Тубалкаину — одному изъ послѣднихъ патриарховъ допотопнаго періода — и обработку мѣди поставляеть раньше желѣза (Б. IV, 22 ст.).

²⁾ Относящаяся сюда иллюстрація см. у *Lenormant'a* „Les origines“ I. 143 p.

³⁾ Раскопки въ Тангерской пещерѣ, близъ Шаффгаузена, въ Швейцаріи. *Ibidem*—142 p.

⁴⁾ *Ibidem*—144 p.

глотиты Перигорды (de Perigord) въ вѣкъ оленя знали уже нумерацію, какъ показываютъ это открытыя въ ихъ пещерахъ таблицы. Наконецъ, существованіе религіознаго чувства у людей четверичной эпохи удостовѣряется различными обычаями и обрядами, болѣе или менѣе, внушенными религіей, каковы, напр. погребальные обряды и почести, оказываемыя мертвымъ ¹⁾.

Все сказанное нами окончательно устанавливаетъ полную независимость и даже несогласованность въ ходѣ развитія элементовъ матеріальной и духовной культуры: въ то время какъ первыя только что нарождались, послѣднія имѣли уже довольно развитую форму. Слѣдовательно, палеонтологія, если только она хочетъ оставаться научной, должна раз навсегда отказаться отъ претензій судить о проявленіяхъ духовной, религіозно-нравственной жизни первобытнаго человѣчества. Справедливость этой истины начинаютъ, повидимому, сознавать и сами эволюціонисты, когда даннымъ палеонтологіи отводятъ въ своихъ трудахъ второстепенное мѣсто, пользуясь ими, какъ побочнымъ, вспомогательнымъ средствомъ, иллюстрирующимъ изъ тезисы.

Главный базисъ эволюціонной теоріи первобытной религіи составляетъ то положеніе, что первобытнѣйшій человѣкъ имѣетъ своего, живаго представителя, въ лицѣ современнаго намъ дикаря. Это убѣжденіе укоренилось настолько прочно, что цѣлый конгрессъ антропологовъ, устами одного изъ видныхъ своихъ представителей, открыто признаетъ неопровержимость теоріи первобытнаго соважизма, т. е. изначальной дикости всего человѣчества, аналогичной съ тепершнимъ состояніемъ нѣкоторой части его (народовъ некультурныхъ) ²⁾.

Но по какому, спрашивается, праву сдѣлано подобное отождествленіе? Можно-ли серьезно считать современнаго дикаря двойникомъ первобытнаго человѣка?—вотъ вопросъ, на который истинная наука, если только она хочетъ быть точной и убѣдительной, должна дать свой правдивый от-

¹⁾ Доказательства и примѣры этого см. у *Thomas* „Les temps primitifs“ II—60—61 p. и *Lenormant*—144 p.

²⁾ *Schafhausen* на конгрессѣ нѣмецкихъ антропологовъ въ Килѣ 1878 г. *Revue d' anthropologie*, 1879, 556 p.

вѣтъ прежде, чѣмъ что-либо голословно утверждать и произвольно класть это въ основаніе дальнѣйшихъ построеній.

По нашему глубокому, и не лишенному серьезныхъ основаній (какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго), убѣжденію, единственно правильнымъ можетъ быть лишь отрицательный отвѣтъ на это. Заключение отъ наблюденій надъ жизнью современнаго дикаря къ состоянію первобытнаго человѣка страдаетъ, прежде всего, громаднымъ хронологическимъ паралогизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь дикарь, какъ-бы низко не стоялъ онъ на этнографической лѣстницѣ народовъ, есть членъ того-же самаго человѣчества, часть котораго составляемъ и мы; онъ прошелъ ту-же длинную, многовѣковую исторію, какъ и все культурное человѣчество, такъ какъ никто, конечно, не знаетъ и не укажетъ такого дикаря, который-бы только-что недавно появился, выродившись, на глазахъ наблюдателя, отъ какого-либо обезьяно—подобнаго предка. Слѣдовательно, въ отождествленіи дикаря съ первобытнымъ человѣкомъ заключается грубый хронологическій промахъ.

Разумѣется, въ отвѣтъ на это эволюціонисты скажутъ, что хотя современный дикарь и прожилъ общую со всѣмъ человѣчествомъ длинную исторію, но онъ не прошелъ его стадій духовнаго развитія, а остановившись на первой, такъ и замеръ въ ней. Но можно-ли серьезно допустить, чтобы живое существо, не лишенное все-же нѣкотораго *minimum'a* интеллектуальныхъ способностей—въ чемъ не отказываютъ дикарю и эволюціонисты—получая постоянныя впечатлѣнія и испытывая разнообразныя вліянія отъ окружающаго его міра, осталось холодно и безучастно ко всему этому и не приобрѣло-бы тѣхъ или иныхъ измѣненій въ строѣ своей духовной жизни? Если даже предметы неорганической природы поддаются вліяніямъ времени и окружающей среды, то тѣмъ болѣе это должно сказать про организмы, въ особенности-же, про высшій и наиболѣе сложный изъ нихъ—организмъ человѣка. „Дикія племена не до такой степени неподвижны и окаменѣлы, что-бы мы имѣли право предположить, будто ихъ религіозное состояніе рѣшительно не измѣнилось въ теченіе тысячелѣтій“¹⁾.

1) В. Д. Бударяевъ „Полное собр. сочин. II, II, 240 стр. Серіевъ Пособь 1892.

Въ сущности, подобный пріемъ столь-же мало наученъ, какъ, напр. сужденіе о первобытныхъ геологическихъ пластахъ по современному слою дикой, некультивированной почвы. Подобно тому, какъ геологія, чтобы получить представленіе о первобытномъ видѣ земли, принуждена рыться въ глубинѣ ея пластовъ, такъ и историкъ для сужденія о первобытномъ человѣкѣ долженъ спуститься въ глубь вѣковъ. Вѣдь сами-же эволюціонисты усилленно настаиваютъ на той мысли, что человѣкъ есть продуктъ окружающей его среды и обстановки; а конечно, никто, и прежде всего, тѣ-же эволюціонисты, не станутъ отрицать того, что атмосферическія, климатическія и проч. виѣшнія условія жизни первобытнаго и современнаго намъ міра не безусловно одинаковы, а слѣдовательно, не могутъ производить однихъ и тѣхъ-же результатовъ. Если гдѣ-либо, то, именно, здѣсь умѣстно припомнить ту великую по своей простотѣ истину, что *comparaison n'est pas raison*.

Наконѣцъ, современный религіозный эволюціонизмъ, считая дикаря окаменѣлымъ остаткомъ первобытнаго человечества, поступаетъ крайне непослѣдовательно, впадая въ явное противорѣчіе съ своимъ основнымъ принципомъ о безусловномъ прогрессѣ всего сущаго. Ссылки эволюціонистовъ, въ объясненіе этого, на „пріостановку“ или „задержку“ прогресса, не есть-ли пустая игра словами, какъ справедливо указываетъ Thomas? ¹⁾ Безспорно, что эволюціонизмъ, желая остаться вѣрнымъ самому себѣ, не долженъ допускать даже и мысли о неподвижности нѣкоторыхъ (къ тому-же и не малочисленныхъ) видовъ первобытнаго человечества, какъ отрицательной инстанціи, разрушающей собой все наведеніе.

Доселѣ у насъ шла рѣчь о шаткости и ненаучности самого пріема реставраціи первобытнаго человѣка по аналогіи съ его quasi двойникомъ въ лицѣ современнаго дикаря. Но сдѣлаемъ на время уступку,—допустимъ, что дикарь и первобытный человѣкъ—одно и то-же лицо; однако и тогда будетъ еще далеко до вывода, который дѣлаютъ эволюціонисты, заключая о крайней грубости и полномъ духовномъ убоженствѣ первобытнаго человечества. Тутъ намъ приходится

1) *Ab. Thomas „Op. cit.“ II, 67.*

имѣть дѣло съ ложнымъ взглядомъ на современнаго дикаря.

По мнѣнію, составляющему основной догматъ эволюціонной теоріи, первобытнѣйшій человѣкъ былъ въ высшей степени дикимъ и грубымъ: а слѣдовательно и наоборотъ, состояніе низшей культурности, наблюдаемое нами теперь у нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ, есть или продолженіе первобытнаго состоянія человѣчества, или случайное возвращеніе къ нему (явленіе духовно-нравственнаго атавизма). Въ подобныхъ заключеніяхъ эволюціонизма мы имѣемъ типичный образчикъ того, что называется „логическимъ кругомъ“ (*circulus in demonstrando*); въ самомъ дѣлѣ, первобытное человечество трактуется здѣсь въ смыслѣ современныхъ дикарей, эти послѣдніе—возводятся къ первобытнымъ людямъ, какъ ихъ безспорнымъ прототипамъ; слѣдовательно, въ основаніе доказательства полагается то самое, что и требуется доказать.

Приступая къ матеріальной критикѣ эволюціоннаго взгляда на современнаго дикаря, мы считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что онъ отнюдь не опирается на какія-либо безспорныя фактическія данныя, а покоится больше на предвзятыхъ гипотезахъ и представляетъ изъ себя ничто иное, какъ частное выраженіе общаго принципа эволюціи, одинъ изъ многочисленныхъ видовъ ея, такъ называемой „абстрактной формулы прогресса“¹⁾. Въ виду этого, лучшей критикой эволюціонной „теоріи первобытнаго саважизма“ будутъ служить, именно, тѣ самые факты, которые тенденціозно имъ обойдены, или превратно истолкованы, разумѣемъ, главнымъ образомъ, свидѣтельства исторіи, а также факты опыта и внимательнаго наблюденія надъ жизнью современныхъ дикарей.

Поверхностному взгляду на жизнь некультурныхъ народовъ нашего времени легко можетъ показаться, что настоящее состояніе ихъ есть первый моментъ пробужденія въ нихъ человѣчности и ихъ первые, робкіе шаги по пути ци-

---

¹⁾ „Мы должны отмѣтить—сознается одинъ изъ раціонал. историковъ религіи: „что всякое описаніе религіи некультурныхъ племенъ носятъ на себѣ, болѣе или менѣе, характеръ отрывочныхъ и произвольно выбранныхъ замѣтокъ“. *Шантени* I т. 17 с. Москва 1899 г.

визаціи. Дѣйствительно, то, что обыкновенно служить мѣркой развитія и гуманизма—культура и цивилизація въ обширномъ, этнографическомъ смыслѣ этого слова — находится у нихъ въ самомъ жалкомъ, зачаточномъ состояніи: въ большинствѣ случаевъ не идетъ дальше отдаленныхъ намековъ на что-либо опредѣленное изъ области знанія, вѣрованія, искусства, нравственности, закона, социальной жизни и прочихъ, основныхъ формъ культурной жизни. Таковъ самъ по себѣ фактъ. Но онъ допускаетъ двойное объясненіе: наблюдаемое состояніе есть или первая, начальная ступень духовнаго развитія, на которой будто-бы, стояло нѣкогда все человѣчество, или оно представляетъ позднѣйшій моментъ его жизни, одно изъ патологическихъ явленій его послѣдующей, многовѣковой исторіи.

Научнымъ кредитомъ нашихъ дней пользуется лишь первое мнѣніе потому, что оно, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ эволюціонному принципу, но на сторонѣ второго имѣется болыше солидныхъ доказательствъ. Тогда какъ первое объясненіе основано на тенденціи и поверхностномъ наблюденіи, второе ищетъ доказательствъ глубже, нерѣдко вскрывая за видимой, внѣшней оболочкой, ея, трудно-уловимый внутренній смыслъ и указывая на то, чего не видитъ, или не хочетъ замѣчать первое. Защитники эволюціонной теоріи, отмѣчая тѣ или другія грубыя и, по ихъ мнѣнію, изначальныя формы жизни: элементы религіи, языка, искусства и обычаевъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются лишь однимъ констатированіемъ самаго факта, не давая себѣ труда прослѣдить его происхожденіе, т. е. образованіе, напр. языка, религіозныхъ представленій, своеобразныхъ обычаевъ и т. п.; а между тѣмъ часто здѣсь-то, именно, и кроется разгадка явленія. Откуда, напр. грубые дикари Южно-американскихъ саваннъ и Австралійской пустыни, едва умѣющіе раздѣльно считать только до трехъ, взяли свои, сравнительно возвышенныя и безконечно превышающія убожество ихъ духовнаго развитія, религіозно-нравственныя представленія? Что внушило имъ мысль о бытіи какихъ-то высшихъ существъ, требующихъ отъ нихъ поклоненія и жертвы? Что въ этомъ нѣтъ никакой принудительной силы и роковой необходимости — свидѣтельствуетъ примѣръ высшихъ животныхъ и тѣхъ-же мнимыхъ прародителей человѣка—

обезьянъ, которыя прекрасно обходятся безъ такого излишняго балласта, какимъ, съ естественно-раціоналистической точки зрѣнія, конечно, служить религія.

Равнымъ образомъ, откуда у подобныхъ дикарей возникло стремленіе къ искусству, элементарнымъ выраженіемъ чего является обычай татуированія, въ особенности сильно распространенный между краснокожими дикарями и обитателями Полинезіи, а также—страсть къ блестящимъ игрушкамъ и всевозможнымъ бездѣлушкамъ, одинаково характеристичная для всѣхъ дикарей? На послѣдній вопросъ намъ отвѣтять, вѣроятно, тѣмъ, что въ стремленіи казаться красивѣе и больше обращать на себя общаго вниманія, бессознательно сказывается инстинктъ полового подбора, цѣлесообразно дѣйствующій въ интересахъ вида. Но почему-же, если это дѣйствительно, такъ, того-же самаго эффекта не производитъ этотъ инстинктъ у обезьянъ и прочихъ животныхъ, гдѣ онъ довольствуется одними природными свойствами, напр. модуляціями голоса, красивымъ опереніемъ и т. п., а не поражаетъ стремленія къ искусственному украшенію?

Чѣмъ наконецъ, объяснить то, загадочное на первый взглядъ явленіе, что между разказами о жизни дикарей вовсе не рѣдкость встрѣтить удивительные примѣры ихъ нравственныхъ и социальныхъ качествъ. „Выдающійся примѣръ того—говоритъ Тайлоръ: „мы находимъ, по описаніямъ лейтенанта Брюинъ Копса и г. Уоллеса, у папуасовъ Восточнаго Архипелага, обычная правдивость, честность и кротость которыхъ едва-ли можетъ быть сравниваема съ общимъ уровнемъ нравственности въ Персіи или въ Индіи, не говоря уже о многихъ цивилизованныхъ мѣстностяхъ Европы“¹⁾. И это тѣмъ болѣе удивительно, что наряду съ такими прекрасными качествами у тѣхъ-же дикарей уживаются и проявленія самаго грубаго звѣрства (напр. каннибализмъ карайбовъ). Если-бы мы имѣли тутъ дѣло съ однимъ естественнымъ ходомъ развитія, то подобной непослѣдовательности и смѣси противорѣчій, навѣрное, не встрѣтили-бы. Все это склоняетъ нашу мысль присоединиться къ тѣмъ этнографамъ, которыхъ—по словамъ Тайлора—данныя наблюденія приводятъ къ признанію того, что грубая жизнь

¹⁾ Тайлоръ „Первобытная культура“ I, 26 стр.

современнаго дикаря была раньше въ своемъ родѣ хорошей и счастливой ¹⁾.

Въ заключеніе спросимъ, чѣмъ вызвано существованіе у современныхъ, даже и наиболѣе грубыхъ дикарей, такихъ житейскихъ обычаевъ и религіозныхъ церемоній, происхожденіе которыхъ не оправдывается никакимъ требованіемъ закона развитія и не стоитъ ни въ какой связи съ существованіемъ ихъ настоящихъ религіозно-бытовыхъ представленій. „Анализъ даже самыхъ несовершенныхъ религій открываетъ въ нихъ такіе элементы, происхожденіе которыхъ не поддается естественному объясненію, таковы, напр.—вѣра въ первобытное блаженство, идея грѣхопаленія, чаянія будущаго избавленія, практика очистительныхъ дѣйствій и умилостивительныхъ жертвъ“ ²⁾.

¹⁾ *Taylor* „Первобытная культура“ I, 27 стр.

²⁾ *Thomas* „Les temps primitifs“ I, 230 p. Къ культурно и религіозно-историческимъ феноменамъ, свидѣтельствующимъ о сохраненіи у дикарей болѣе чистыхъ и возвышенныхъ представленій относятся: 1) существованіе жертвъ и молитвъ, имѣющихъ своей главной цѣлью примирить различивающее божество съ человѣкомъ, на что выразительно указываетъ филологія—*ἐξαρέσσεισθαι, ἰλάσσεισθαι*; во 2) обрядъ обрѣзанія, не только бывшій въ широкой практикѣ древности, но сохранившійся также и теперь у Мадагаскарцевъ, Кафровъ, племени Конго, Мексиканцевъ и т. п. Всего правильнѣйшій онъ, на нашъ взглядъ, можетъ быть истолкованъ лишь, какъ кровавая жертва, специфическій религіозный актъ очищенія. Въ 3) сюда же, наконецъ, относятся, одинаково практикуемые какъ древними, такъ и новыми дикарями, разные виды аскетическихъ подвиговъ, въ основаніи которыхъ лежитъ неясное этическое ощущеніе виновности и желаніе ее загладить. Изъ нихъ отмѣтимъ любопытный обычай „кувады“, или лежанія въ постелѣ, на правахъ больного, отца новорожденнаго ребенка, въ теченіе условнаго количества времени отъ 4—6 недѣль, т. е. того самого періода, въ теченіе котораго считается нечистой мать новорожденнаго: этотъ странный обычай существуетъ у Гренландцевъ, Камчалаловъ, Дайяковъ острова Борнео, Каранбовъ, Гассанговъ и др. У всѣхъ ихъ, въ случаѣ прибавленія въ семействѣ, въ постель ложится не мать, разрѣшившаяся отъ бремени, но отецъ, который налагаетъ на себя добровольный постъ и всели трактуется, въ качествѣ больного. Въ объясненіи этого загадочнаго и ничѣмъ въ личности неоправдымаго обычая невольно останавливаешься на томъ мнѣніи, которое видить здѣсь темное воспоминаніе факта первороднаго грѣха и смутное сознаніе его всеобщности, въ силу чего каждый человѣкъ во грѣхъ рождается и въ беззаконіи зачинается. Отсюда, всякое новое рожденіе есть приращеніе грѣха, для загладенія котораго со стороны его виновниковъ требуется своего рода искупительный процессъ и очистительныя

На вопросы о загадочности многихъ религіозно-практическихъ явленій изъ жизни и быта дикарей, натуралистическій эволюціонизмъ не находитъ отвѣта лучшаго, чѣмъ повтореніе пресловутой гипотезы своего корняа (Дарвина) „о самопроизвольномъ зарожденіи“. Но очевидно, что сказать въ объясненіе чего-либо, что оно возникло такъ, прѣсто, само-собою, или отъ причинъ, къ существу дѣла не относящихся, значитъ не отвѣтить на вопросъ, а обойти его и, во всякомъ случаѣ, отказаться отъ объясненія. „Новѣйшее идеалистическое мнѣніе о самостоятельности и внутренней необходимости развитія рода человѣческаго чисто изъ самого себя, есть не только не истинная, но даже не возможная мысль, мечта фантазіи, ласкающая одно тщеславіе человѣка, насмѣшка надъ фактами и причинной связью исторіи культуры“¹⁾.

Въ виду полной неудовлетворительности эволюціоннаго взгляда на современныхъ дикарей, какъ на представителей жизни примитивнаго человѣчества, обращаемся ко второму мнѣнію, рассматривающему состояніе современной дикости, какъ патологическое уклоненіе отъ нормальнаго прогрессивнаго хода развитія человѣчества, какъ состояніе вырожденія и деградациі съ предшествующей, высшей ступени развитія. Это мнѣніе располагаетъ въ свою пользу уже однимъ тѣмъ, что оно устраняетъ изъ своихъ объясненій всякую „самопроизвольность и безпричинность“ и даетъ, такимъ образомъ, удовлетворительный отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы, относительно которыхъ, какъ мы видѣли, безотвѣтенъ эволюціонизмъ.

Смотря на жизнь современныхъ дикарей, какъ на продуктъ вырожденія, теорія деградациі eo ipso удовлетворительно объясняетъ намъ совмѣщеніе тѣхъ, повидимому, непримиримыхъ крайностей, которыя наблюдаются одновре-

---

дѣйствія; и если мать ребенка искушаетъ, до известной степени, свою вину муками рожденія, то отецъ, въ соотвѣтствіи съ ней, долженъ понести добровольный подвигъ поста, воздержанія и напускной болѣзни. Lafitau: *Moers des savages Americains* I, 259 s. Waitz „*Anthropol. der Naturvölker*“ I. 295. Zöckler „*Kritische Geschichte der Askese*“ 131—135 s.

Dr. W. Schneider „*Die Naturvölker*“ I. 114—118 s. Paderb. und Munst. 1885.

1) Waitz „*Anthropologie der Naturvölker*“ I B. 2 Auf. 1876.

менно существующими въ религіи и бытѣ дикарей, образчики чего мы указывали въ вышеприведенныхъ примѣрахъ Папуасовъ, Каннибаловъ и обитателей полярныхъ странъ ¹⁾. Здѣсь то, что наблюдается добраго и хорошаго,—признается остаткомъ прежняго духовнаго богатства, а то, что поражаетъ своей дикостью и грубостью, считается симптомами послѣдующаго вырожденія. Въ этомъ отношеніи особенно поразительно существованіе у современныхъ грубыхъ дикарей возвышенныхъ религіозныхъ представленій о Великомъ Духѣ, Творцѣ міра, Господинѣ и Обновителѣ всей жизни, совершенно расходящееся съ практикой дѣйствующей у нихъ религіи ²⁾. Эти возвышенныя религіозныя кон-

¹⁾ См. выше стр. 466.

²⁾ Приведемъ нѣсколько примѣровъ, въ подтвержденіе этого. Такъ, грубые дикари Восточной и Южной Австраліи знаютъ объ одномъ добромъ Богѣ, который держитъ въ своей власти злое существо; въ различныхъ областяхъ онъ извѣстенъ подъ разными именами: жители новаго Валлиса называютъ его, напр. „Койанъ“ (Koian); но они не приносятъ ему жертвъ. На Югѣ Австраліи верховной творецъ міра называется „Пейнамей“ и почитается, какъ „Маманна-му-рокъ“, т. е. „Отецъ всего, что обитаетъ на небѣ“. На Югѣ-востоку тотъ же богъ извѣстенъ подъ именемъ „Тіанъ“. Въ Нью-Нурисѣ, на западѣ Австраліи, о творцѣ міра, богѣ „Мотонъ“ говорится, что онъ, обыкновенно, только восклицалъ: „явился земля, явился вода“, и тотъ-часъ же все возникло. Память объ этомъ Божествѣ, извѣстномъ подъ различными именами (Парикалла, Мильберу, Титин, Нариньери и др.) сохранилась и у жителей, соседней съ Австраліей—Полинезій.

Бушмены Африки, по свидѣтельству позднѣйшихъ путешественниковъ, сохранили вѣру въ одного, невидимаго „великаго мужа“ на небѣ, котораго они призываютъ въ молитвѣ и почитаютъ особыми танцами. Одинъ миссіонеръ, проведшій цѣлыхъ 18 л. среди дикихъ племенъ Южной Африки, категорически утверждаетъ, что у нихъ существуетъ вѣра въ высшее Существо, по имени „Каганъ“, или „Каангъ“.

Особенно богата примѣрами этого рода религія большинства негритянскихъ племенъ, въ исторіи которыхъ нѣтъ основаній подозрѣвать вліянія культурныхъ націй. По словамъ Шнейдера „религіозныя представленія ихъ стоятъ много выше, чѣмъ почти всѣхъ остальныхъ „естественныхъ народовъ“; они столь высоки, что если мы и не рѣшимся назвать ихъ монотеистами, то можемъ сказать, что они стоятъ на границѣ монотеизма, хотя ихъ религія и соединена съ большою суммой грубыхъ суевѣрій“. „Есть всѣ основанія полагать, что идея великой Первопричины, какъ Творца всѣхъ вещей, съ незапамятныхъ временъ господствовала у обитателей золотата берега; такъ какъ терминны—„Янкомпонъ“ (отъ „янкомъ“ — другъ и „епонъ“ великій) и „Ямми“ (отъ „йеехъ“—дѣлать и

щепции стоятъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ другихъ религіозныхъ идей; очевидно, онѣ потеряли свое жизненное значеніе, утратили подлинный смыслъ и теперь сохраняются, какъ священные реликвіи пропалаго, въ которомъ онѣ были полны глубокаго смысла и живаго воздѣйствія на жизнь: осталась только одна пустая форма, но исчезло ея внутреннее содержанія, отлетѣлъ оживотворявшій ея духъ.

Равнымъ образомъ, обычай обрѣзанія, кувады, жертвы, заклинаній, представленій о змѣѣ, какъ олицетвореніи злаго начала, и болѣе свѣтлый взглядъ на далекое прошлое, не служатъ-ли все это смутнымъ отраженіемъ прелести первобытнаго состоянія и тяжести великой катастрофы, его нарушившей? Наконецъ, при посредствѣ научныхъ данныхъ сравнительной филологіи, мнѳологіи, археологіи и исторіи, общій деградаціонный ходъ религіознаго развитія дикарей, не становится-ли съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе? Въ томъ отношеніи особенно поучительно то, чисто эмпирическое обобщеніе, что умноженіе числа боговъ и мифическихъ сказаній о нихъ, вообще идетъ въ параллель съ развитіемъ народа; а чѣмъ грубѣе племя, тѣмъ скуднѣй семья его божествъ, которая у дикихъ племенъ рѣдко превышаетъ пять, шесть членовъ, часто ограничивается только двумя—мужескимъ и женскимъ, или добрымъ и злымъ, а иногда довольствуется даже только однимъ ¹⁾).

Справедливость теоріи вырожденія современнаго дикаря подтверждаетъ и наблюденіе надъ особенностями, отчасти и физической, а главное—психической организаціи его. Говоря вообще, въ несовершенныхъ свойствахъ физической организаціи современнаго дикаря гораздо больше основаній видѣть симптомы послѣдующаго вырожденія, чѣмъ зароды-

„emi“ или „mi“—меня), которыми они обозначаютъ Бога, повидному, указываютъ на то, что понятіе о Богѣ, какъ благомъ Творцѣ, возникло одновременно съ самымъ языкомъ“. Это верховное Божество подъ различными именами почитается и всѣми другими негрскими племенами Африки, такъ что знаменитый антропафъ Ливингстонъ первобытной религіей ихъ рѣшается признать, именно, эту вѣру въ Единаго, Всемогущаго Творца неба и земли. См. *Schweider* „Die Naturvölker“ I: 95—98 s. 154, 282—3 s.

Müller „Geschichte der americanischen Vorrreligion“ 52 n. 148 s.

¹⁾ В. Д. Кудрявцевъ—II, II, 122 стр.

шевую форму будущаго богатаго развитія. Принять это нужно, въ первыхъ, потому, что факты опыта не даютъ намъ примѣровъ самостоятельнаго превращенія подобныхъ, физическихъ убогихъ дикарей въ представителей болѣе снльнаго физическаго типа, а скорѣе, наоборотъ—они указываютъ намъ многочисленныя примѣры полнаго и окончательнаго вымиранія цѣлыхъ племенъ и народностей (краснокожіе аборигены Новаго Свѣта) при первымъ столкновеніи ихъ съ новыми условіями жизни. Очевидно, что такимъ хилымъ особямъ не подь силу произвести здоровое потомство. И Цюклеръ вполне правъ, когда говоритъ, что „сущности современнаго состоянія дикаря не дикость, а одичаніе. Всѣ они безъ исключенія, представители не юношеской мощи, но старческаго безсилія и вырожденія нашего рода“ ¹⁾. Еще яснѣе говоритъ о томъ-же наблюденіе надъ психической стороною жизни современныхъ дикарей. Въ ней насъ одинаковъ поражаютъ двѣ главныхъ особенности—абсолютный культурный застои и полное отсутствіе личной инициативы въ дѣлѣ культурнаго развитія, съ одной стороны, и изумительная способность тѣхъ-же дикарей быстро культивироваться и сразу достигать высокихъ степеней, съ другой стороны. Дѣйствительно, нельзя указать ни одного сколько-нибудь убѣдительнаго примѣра самостоятельнаго перехода какихъ-либо дикихъ племенъ отъ состоянія, напр. блуждающихъ по тропическимъ лѣсамъ охотниковъ къ высшей культурной степени—кочующихъ номадовъ, тѣмъ болѣе къ еще высшей—осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Всѣ, сравнительно немногіе примѣры, приводимые для доказательства самобытности культурнаго развитія, далеко не выдерживаютъ критики, поскольку они упускаютъ изъ вниманія вполне очевидное вліяніе посторонней культуры, насадителями, и перѣдко насильственными, которой являются представители высшей культуры. въ видѣ-ли то предпріимчивыхъ плантаторовъ—янки, или эксплуататоровъ—колонистовъ, или-же, наконецъ, различныхъ христіанскихъ миссіонеровъ ²⁾. И

¹⁾ *Züchler* 203 s.

²⁾ Мы имѣемъ въ виду здѣсь ссылки на Прокезовъ, Семитоловъ и Суксовъ Америки, а также на нѣкоторыхъ полинезійскихъ, индійскихъ, Южно и Западно-Африканскихъ племенъ, якобы самостоятельно оставившихъ свой прежній, бродячій образъ жизни и добровольно перешед-

Уэтли глубоко правъ, когда въ своихъ чтеніяхъ о происхожденіи цивилизаціи говоритъ слѣдующее: „факты неумолимы: и то обстоятельство, что нельзя привести ни одного достовѣрнаго примѣра, чтобы дикари когда-нибудь сами, безъ посторонней помощи, возвысились изъ этого состоянія, не есть теорія, а есть констатированіе факта, до сихъ поръ не опровергнутое“¹⁾. Очевидно, дикари не силахъ самостоятельно подняться до той высоты, съ которой нѣкогда испали, и не потому, что у нихъ отсутствуетъ способность къ этому, а потому, что они, вслѣдствіе какихъ-бы то ни было жизненныхъ катастрофъ утратили, такъ сказать, вкусъ къ жизни, пришли въ состояніе тупаго равнодушія и безпритязательнаго довольства скудной и грубой наличной дѣйствительностью, не знающей другихъ высшихъ запросовъ и интересовъ. Отрицать этого факта не рѣшился и самъ Тайлоръ, вынужденный признать, что „остановка и упадокъ цивилизаціи должны быть причислены къ наиболѣе частымъ и могущественнымъ проявленіямъ жизни народовъ“²⁾.

Другой, еще болѣе любопытный психической феноменъ въ жизни современныхъ дикарей—эта ихъ, по истинѣ изумительная способность быстро и сильно культивироваться при наличности благопріятныхъ для того условій. Разительнымъ примѣромъ этого могутъ служить тѣ отдѣльные экземпляры изъ среды дикихъ, варварскихъ племенъ, которые, будучи поставлены въ новыя условія богатой умственной и духовно-нравственной культуры, сравнительно легко и скоро приспособлялись къ ней и даже выставляли изъ среды себя нѣкоторыхъ достойныхъ ея носителей въ области стратегіи, политики, права, науки, искусства, поэзіи и литературы, имена которыхъ, не безъ достаточнаго основанія, могутъ быть занесены на страницы культурной исторіи человѣчества³⁾.

шихъ къ болѣе высшей культурной жизни — осѣдлыхъ земледѣльцевъ. *Zöckler* „Op. cit.“ 214 s.

1) *Whately* „Essay on Origin of Civilisation“. *Taylor*—37 стр.

2) *Taylor* „Первобытная культура“ I, 38 ст. перев. Корочевского СПб. 1872.

3) Въ интересномъ трудѣ *Schweider'a* „Die Naturvölker“ примѣрами этого рода, взятыми притомъ изъ исторіи однихъ только негровъ, наполнена цѣлая глава, подъ заглавіемъ „Hervorragende Talente“ II в. 237—250 г. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ знаменитаго чернаго генерала

Если-бы мы захотѣли приложить къ объясненію этого факта эволюціонистическій масштабъ постепеннаго естественнаго развитія, то, очевидно, этимъ не достигли-бы цѣли, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло, во первыхъ, не съ естественнымъ, а скорѣй съ искусственнымъ, а во вторыхъ, не съ постепеннымъ, а съ быстрымъ видомъ культурнаго развитія.

Недостаточность эволюціонно-механическаго взгляда на этотъ фактъ подтверждается и аналогіей изъ жизни высшихъ животныхъ, напр. обезьянъ, у которыхъ самое сильное воздѣйствіе высокой посторонней культуры, обыкновенно, не идетъ дальше простой дрессировки, и не даетъ даже отдаленнаго намека на что-либо подобное вышеуказанному нами. Не ясно-ли, наоборотъ, отсюда то, что въ дикарѣ заложена уже готовая потенція прогресса, что въ немъ, такъ сказать, будится нѣкогда живая и дѣятельная, но въ послѣдствіи какъ-бы заснувшая культурная сила? Эта-то спящая сила, коль скоро бываетъ данъ внѣшній толчекъ къ ея пробужденію, обнаруживаетъ себя во всей своей силѣ и тѣмъ самымъ краснорѣчиво говоритъ, что и въ современномъ, самомъ грубомъ дикарѣ подъ внѣшнимъ, историческомъ наростомъ скрывается одинъ и тотъ-же, безконечно возвышающійся надъ животнымъ, типическій образъ человѣка, царя природы и вѣнца мірозданія! „Существуютъ твердыя основа-

Туссенъ-Тувертюра, имѣвшего переписку съ Наполеономъ I и начинавшего одну изъ своихъ депешъ къ нему безсмертной фразой. „Le premier des Noirs du premier des Blancs“. Въ качествѣ выдающагося политическаго дѣятеля, онъ указываетъ Стефана Аллена Бенсона, бывшаго президентомъ Либерійской республики, имѣвшаго дипломатическій вояжъ въ Европу въ 1862 году, принятаго при дворахъ Лондона и Берлина, и состоявшаго въ личной дружбѣ съ княземъ Бисмаркомъ.

Рѣдкимъ лингвистическимъ талантомъ владѣлъ Алабомскій кузнецъ Еллисъ, которой прекрасно зналъ не только новые языки, но изъ древнихъ—латинскій, греческій и еврейскій. Примѣръ высокой образованности представляетъ собой черный невольникъ Амо, отданный своимъ господиномъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ въ Виттенбергскую университетъ, гдѣ онъ получилъ степень доктора философіи. Изъ другихъ представителей черной расы, прославившихся на различныхъ поприщахъ, науки и жизни отмѣтимъ знаменитаго астронома—Баннакера, математика—Фому Фуллера, доктора—Якова Дерхама, писателей—Отелло и Оттоба Кугоано, епископовъ и церковныхъ ораторовъ—Якова Элиза и Жана Капитейна, поэтовъ—Филиппа Уэтли и Франциска Вильяма и мн. др

нiя думать — говорить нашъ извѣстный мыслитель — что тотъ звѣринный образъ, въ которомъ является намъ человѣчество на порогѣ исторiи, есть лишь извращенiе первоначальнаго образа Божiя въ человѣкѣ“¹⁾. Итакъ, „духовная низость дикаря не представляетъ собой подтвержденiя теорiи эволюцiи, а скорѣи ея опроверженiе, ибо дикарь, оказывается, представляетъ собой не существо, только что поднявшееся надъ животнымъ, а существо ниспавшее до него“²⁾. Такимъ образомъ, внимательно-вдумчивое изученiе быта и жизни самыхъ низшихъ дикарей приводитъ насъ къ тому убѣжденiю, что гораздо справедливѣи видѣтъ въ нихъ существъ, стоящихъ на послѣдней степени упадка, чѣмъ на первой ступени развитiя.

Теорiя деградации, или вырожденiя и послѣдовательнаго одичанiя цѣлыхъ расъ человѣчества, дающая, на нашъ взглядъ, лучшее объясненiе этому факту, находитъ свое полное оправданiе и достаточное фактическое подтвержденiе въ прошлой исторiи человѣчества. Тутъ мы охотно поставили бы на первомъ планѣ древнѣишия универсальныя традицiи первобытнаго блаженства, озарявшаго восходъ исторiи человѣчества, получившия даже специальное техническое названiе „традицiи о золотомъ вѣкѣ“. Но вѣское значенiе этого аргумента подрывается существованiемъ параллельнаго ряда другихъ древнихъ преданiй, считающихъ точкой отправленiя цивилизации первобытную дикость. Таковы, напр. пессимистическiя описанiя Лукрецiя, Эсхила, Гомера, Павзанiя, Дiodора Сицилiйскаго и др., въ которыхъ говорится о грубости, жестокости и звѣрствѣ древнѣишихъ людей³⁾. Полюжимъ, всѣ эти, такъ сказать, встрѣчныя традицiи принадлежать писателямъ позднѣишей, классической эпохи и, по всей вѣроятности, характеризуютъ не начальную эпоху человѣческой исторiи, а время ея послѣдующаго упадка. Наоборотъ, научно-историческое значенiе универсальныхъ традицiй первобытной эпохи не имѣютъ духа категорически отрицать даже и сами эволюционисты. „Преданiе низ-

1) Вл. Соловьевъ „Религiозныя основы жизни“ 42 с. М. 1884.

2) С. С. Глаголевъ „О проих. и первоб. состоян. рода человѣческаго“ — 397 стр. Москва 1894 г.

3) Выдержки и цитаты см. у Thomas „Les temps primitifs“ II. 46—47 p.

нихъ племень о лучшей жизни ихъ предковъ иногда можетъ быть дѣйствительнымъ воспоминаемъ о неслишкомъ отдаленномъ прошломъ; Алгонкинскіе Индѣйцы вспоминаютъ о прошлыхъ временахъ, какъ о золотомъ вѣкѣ, когда жизнь была лучше, чѣмъ теперь, когда у нихъ были лучшіе законы и начальники и менѣе грубые нравы“—говорить, напр. Тайлоръ ¹⁾.

Но не станемъ строить своихъ доказательствъ на зыбкой почвѣ гипотезъ, и потому перейдемъ прямо къ историческимъ временамъ. Стоя на твердой почвѣ исторіи, мы смѣло можемъ сказать, что регрессъ имѣлъ здѣсь мѣсто почти также часто, какъ и прогрессъ и что сама исторія есть ничто иное, какъ пестрый калейдоскопъ періодически повторяющейся смѣны этихъ двухъ основныхъ типовъ человѣческой жизни. Отсюда, вырожденіе и упадокъ не только отдѣльных, болѣе или менѣе, мелкихъ группъ человѣчества, но даже цѣлыхъ, иногда цвѣтущихъ и могущественныхъ государствъ, представляетъ одно изъ обычныхъ историческихъ явленій. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи исторія центральной Азіи, этого забытаго пещилица древне-исторической жизни. Очагъ цивилизаціи и прогресса, впервые зажженный въ центральной Азіи—колыбели человѣчества, далеко отбрасывалъ свои животворные лучи: но по мѣрѣ выселенія оттуда различныхъ племень, онъ постепенно потухалъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Античная цивилизація исчезла, обширныя монархіи погибли. Сколько городовъ, нѣкогда цвѣтущихъ промышленностью и торговлей, оставили послѣ себя только руины, сколько другихъ и вовсе безслѣдно исчезло съ лица земли! Сколько богатыхъ и населенныхъ странъ превратилось въ безплодныя пустыни, населеніе которыхъ влачитъ жалкую жизнь, прозябая въ полудикомъ состояніи! „Что случилось съ цивилизаціей Африки, столь блестящей въ вѣкъ Клиріана и Августина и еще раньше въ вѣкъ Ганнибала? Теперь на томъ мѣстѣ царствуетъ мерзость заустынія и ихъ обитатели находятся въ состояніи близкомъ къ дикости. На развалинахъ Эивъ и Неневинъ живутъ теперь въ берлогахъ и договнищахъ люди съ правилами ди-

¹⁾ Цитир. сочиненіе—44 стр

карей!“ 1) „Иные народы и совсѣмъ пачезли съ лица земли, такъ что самая память о нихъ и объ ихъ славномъ прошломъ осталась только въ лѣтописяхъ исторіи и въ немногихъ оставшихся отъ нихъ и полусохранившихся литературныхъ и вещественныхъ памятникахъ!“ 2).

Признавая самый фактъ вырожденія, эволюціонизмъ хочетъ ослабить его значеніе тѣмъ приѣмомъ, что состояніе историческаго упадка онъ называетъ не одичаніемъ, а „искаженіемъ цивилизаціи“ 3). Но въ сущности, не все-ли это равно, и самое различіе не сводится-ли тутъ къ пустой игрѣ словами? „Примѣры цивилизованныхъ людей, обращающихся къ дикой жизни, попадая въ отдаленные края и переставая пользоваться благами цивилизаціи или чувствовать потребность въ нихъ, представляютъ, по признанію самого Тайлора—опредѣленное доказательство вырожденія“ 4); иллюстраціей этого можетъ, по его мнѣнію, служить примѣръ жителей греческой колоніи Потидеи, образъ жизни и нравовъ которыхъ изображенъ такими мрачными красками у Гомера 5).

Въ сочиненіяхъ выше названнаго корифея эволюціонизма мы находимъ немало и позднѣйшихъ, почти современныхъ намъ, примѣровъ одичанія или вырожденія, изъ числа которыхъ отмѣтимъ нѣсколько, наиболѣе типичныхъ. „Гаучосы Южно—Американскихъ пампасовъ—говоритъ Тайлоръ—смѣшанныя Европейскія и Индѣйскія племена конныхъ пастуховъ, садятся, по описаніямъ, вокругъ огня на бычачьихъ черепахахъ, варятъ супъ въ рогахъ животныхъ, обложенныхъ горячимъ пепломъ, питаются однимъ мясомъ безъ растительной пищи, и ведутъ жизнь совершенно гнусную, животную, выродившуюся, не знающую, удобствъ, но—неожиданно прибавляетъ авторъ—все-же не дикую“ 6). Но чѣмъ же, спрашивается, отличается такой образъ жизни отъ дикаго и не достаточно-ли двухъ-трехъ поколѣній, родившихся и

1) С. С. Глаголевъ „О происхожд. и первоб. состояніи рода человѣка“ 468 стр.

2) А. Д. Блѣевъ „О безбожии и антихристѣ“ I. XII стр. 1898 г.

3) Тайлоръ „Первоб. культура“ I. 38 стр.

4) Тайлоръ, Цитов. сочиненіе—40 стр.

5) *Ibidem*—41 стр.

6) Тайлоръ—42 стр.

выросшихъ въ подобной обстановкѣ, чтобы даннымъ племенамъ окончательно превратиться въ самыхъ грубыхъ дикарей? Вырожденіе чіеннскихъ Индѣйцевъ есть также извѣстный историческій фактъ. Уединенный остатокъ Шошветскаго племени, затерявшійся въ Скалистыхъ горахъ, судя по описаніямъ лорда Мильтона и доктора Чидля, представляетъ рѣзкій примѣръ подобнаго-же вырожденія, безъ сомнѣнія понизившаго и уничтожившаго многіе изъ дикихъ народовъ. Есть, также, основаніе думать, что Индѣйское племя Диггеръ въ Сѣверной Америкѣ и Бушмены Южной Африки представляютъ собой униженные остатки племенъ, нѣкогда видѣвшихъ болѣе счастливые дни. На Цейлонѣ мы, какъ кажется, можемъ наблюдать замѣчательное явленіе несомнѣнно дикаго племени, говорящаго на арійскомъ нарѣчій (доказательство его прежней культурности). Это—дикая часть племени Велда, или „охотниковъ“, остатки котораго еще и теперь обитаютъ въ лѣсистой части острова. Судя по ихъ физическому типу, по образу жизни и занятіямъ это — не просто дикари, но низшіе изъ нихъ ¹⁾.

Послѣ столькихъ древне-историческихъ и современныхъ примѣровъ одичанія, выбранныхъ нами изъ цѣлаго ряда имъ подобныхъ, щедро собранныхъ Тайлоромъ, утвержденіе, его, что „въ продолженіе столькихъ тысячелѣтій извѣстнаго исторіи существованія ни арійское, ни семитическое племя не дали, повидимому, ни одного прямого дикаго отпрыска“, является, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, чтобы не сказать больше ²⁾. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ робко признаетъ, что „случаи особенно низкой цивилизаціи, быть можетъ, иногда и могутъ быть объяснены вырожденіемъ подобнаго рода“ ³⁾. Это положеніе категорически утверждаетъ другой ученый изслѣдователь даннаго вопроса, который говоритъ: „регістръ деградировавшихъ племенъ, живущихъ на границахъ цивилизованной жизни народовъ, увеличивается годъ отъ году“ ⁴⁾.

Выдающимися памятниками сравнительной высоты древ-

¹⁾ *Taylor*—43—46 стр.

²⁾ *Taylor*—49 стр.

³⁾ *Ibidem*—40 стр.

⁴⁾ *Zöckler* op. cit.—211 с.

нѣйшей культуры тѣхъ народовъ, современные потомки которыхъ ведутъ весьма примитивный образъ жизни, могутъ служить знаменитыя пирамиды Египетскихъ фараоновъ 4-ой и 5-ой династїи, гордо высящіяся среди убогихъ хижинокъ тенерешныхъ феллаховъ; а также величественныя развалины древнихъ дворцовъ и храмовъ съ ихъ, нерѣдко художественно-поразительными памятниками архитектуры, скульптуры, ваянія и зодчества, въ долину Месопотамїи, среди современныхъ Курдовъ и Афганцевъ. Руины колоссальныхъ построекъ въ Перу, Мексикѣ и на берегахъ Миссисипи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о нѣкогда процвѣтавшей здѣсь высокой культурѣ, о которой аборигены Америки—краснокожіе индѣйцы—не сохранили, повидимому, никакихъ воспоминанїи.

Еще опредѣленнѣи и яснѣи возможность и наличие процесса деградации выступаетъ въ исторїи религїи. Прославленные религїи древняго міра, каковы: религїя Египта, Греціи и Рима, были гораздо чище и возвышеннѣи въ начальный періодъ ихъ существованїя: постепенно-же падая въ теченіе всей дальнѣйшей ихъ исторїи, онѣ, въ послѣднюю свою эпоху, обыкновенно, вырождались въ пустыя и мелочныя обряды омовенїи, очищенїи, заклинанїи, чревоущанїи и всякой прочей таинственной демонологїи. Это, въ особенности, должно сказать про религїю народныхъ массъ, которая, въ то время, какъ религїя жрецовъ и, вообще, образованныхъ классовъ общества, очищалась и просвѣтлялась подъ воздѣйствїемъ философствующей мысли, падала все ниже и ниже, нерѣдко доходя до степени простаго фетишизма, въ которомъ поклоненїе извѣстнымъ видимымъ божествамъ утрачивало свой первоначальный, символически-духовный характеръ и спускалось на степень грубаго идолопоклонства. Да и самыя фетишисты, въ интересахъ своей теорїи, предпочитаютъ начинать религіозную исторїю, въ дѣйствительности, далеко не представляеть чистой и изначальной формы религіознаго процесса, а служить однимъ изъ дальнѣйшихъ и патологическихъ его выраженїи. Теорїя первобытнаго „фетишизма“ стоитъ въ самой неразрывной связи съ теорїей „социализма“: если первобытный человѣкъ быть нагъ умственно и духовно по теорїи социализма,—то и религїя его не могла, разумѣется,

заключать въ себѣ никакихъ проявленій и обнаруженій высшаго, духовнаго порядка, т. е. была грубымъ идолопоклонствомъ, обожаніемъ различныхъ предметовъ и явленій видимой природы, почему-либо поразившихъ собою младенческій разумъ первобытнаго дикаря. Отсюда, въ школѣ старыхъ эволюціонистовъ была общепринятою слѣдующая скала религій: атензмъ, фетишизмъ, тотемизмъ, пантеизмъ, политеизмъ и монотеизмъ ¹⁾. Лучшее выраженіе и критически очищенную форму теорія фетишизма получила въ сочиненіяхъ Тайлора, Каспари, и въ особенности—Герберта Спенсера, наиболѣе типичнаго представителя теоріи „анимизма“ первобытныхъ вѣрованій, которая представляетъ изъ себя *qui generis* одухотворенный фетишизмъ, смягченный, именно, представленіями о невидимомъ и сверхчувственномъ существованіи (явленіе двойниковъ, сновидѣнія и души умершихъ).

При всей своей кажущейся простотѣ и естественности, особенно въ послѣдней своей формѣ, теорія первобытнаго фетишизма (или „анимизма“) не служитъ выраженіемъ дѣйствительнаго хода религіознаго процесса. По справедливому приговору такого выдающагося авторитета въ религіозной области, каковымъ былъ М. Мюллеръ, всѣ доказательства фетишизма составляютъ безисходной, логическій кругъ, поскольку въ основаніе ихъ полагается то-же самое, что выводится и въ слѣдствіи (вѣра въ высшее, духовное бытіе) ²⁾. И дѣйствительно, по свидетельству такого нелицепріятнаго судьи, какъ исторія, фетишизмъ принадлежитъ не началу, а концу религіознаго развитія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ, болѣе или менѣе, значительныхъ группъ. Во главѣ множества разнообразныхъ и всѣхъ аргументовъ, утверждающихъ это положеніе, стоитъ уже самое названіе „фетишизма“, происходящее отъ латин. корня *facio*, и означающее „сдѣланнаго“ бога, разумѣется, по образцу умопредставляемаго. Отсюда, всѣ фетишисты поклоняются не самимъ по себѣ какимъ либо предметамъ въ ихъ естествен-

¹⁾ *Aug. Combe* „Philosophie positive“ I, 101 p. *Lubbock* „Origin of civilization“ 58—65 p. *Bavins-Gould* „Origin and developpement of religives belief“ I. 1869.

²⁾ *M. Müller* „Vorlesung. über Ursprung der Religion“—117 s. 1881.

номъ, природномъ видѣ, но умопредставляемому, невидимому божеству, символическимъ олицетвореніемъ котораго служилъ какой-либо предметъ, искусственно выработанный изъ дерева, камня, кости и т. п.: такъ что этотъ самый „фетишъ“ или идолъ былъ не болѣе, какъ посредствующей формой въ отношеніяхъ къ невидимому и неосвязаемому первообразу, служилъ лишь его чувственнымъ отображеніемъ.

Правда, защитники фетишизма говорятъ, что самое представленіе божества подъ видомъ такихъ наивныхъ образовъ, какъ искусственно-созданные идолы, сильно напоминая младенчество каждаго отдѣльнаго человѣка, когда онъ забавляется игрушками, даетъ полное право отнести его къ состоянію дѣтства всего человѣчества, т. е. къ самому началу его исторической жизни. Но развѣ старчество не впадаетъ въ младенчество? Развѣ пьяные или духовно-больные не забавляются точно такимъ-же, или еще болѣе наивнымъ способомъ, какъ и дѣти? Однимъ изъ яркихъ выраженій такого старческаго безсилія, духовной болѣзни, умственного и нравственнаго отупѣнія въ сферѣ религіи и служить, именно, фетишизмъ. Многочисленные примѣры этого даетъ исторія: всѣ безчисленныя суевѣрія, которыми полны религіи буддизма, ислама, новѣйшаго іудейства и средне-вѣковаго христіанства (омовенія, очищенія, магія, талисманы, амулеты, вѣра въ колдуновъ и оборотней, тайны астрологіи и фокусы спиритизма), все это и сему подобное, есть выраженіе своего рода, фетишизма; оно возникло и развилось не въ началѣ каждой изъ вышеназванныхъ религій, а въ послѣдній періодъ ея, служа такимъ образомъ, не проявленіемъ духа и силы религіи, а выраженіемъ ея отцвѣта, порчи и извращенія высшаго, болѣе духовнаго смысла. Цокклеръ имѣлъ полное право заключать свое обзорѣніе историческихъ и современныхъ примѣровъ религіознаго вырожденія слѣдующимъ категорическимъ положеніемъ: „прямое наблюденіе процесса религіознаго деградаціи съ рѣшительно выраженной склонностью къ фетишизму, установлено окончательно, но нигдѣ и никогда не наблюдалось противоположнаго явленія, т. е. самостоятельнаго возникновенія чистой, духовной, въ особенности—монотеистической религіи, изъ

грубого фетишизма“¹⁾. Посему, неудивительно, что теорія первобытнаго фетишизма начинаетъ утрачивать свой кредитъ въ средѣ серьезныхъ ученыхъ, которые разсматриваютъ его не какъ изначальную форму религіи, а какъ „вырожденіе и отцвѣтъ возвышенныхъ общихъ представленій“²⁾. Къ числу рѣшительныхъ противниковъ этой теоріи принадлежатъ такіе крупные авторитеты, какъ М. Мюллеръ, О. Пфлейдереръ, Гартманъ, Фуфель-де-Куланжъ, Менъ-де-Биранъ, Вуттке, де-Ружмонъ, Герцъ, Аржильскій, Баудиспитъ, В. Штраусъ и др.³⁾

Все это уполномочиваетъ насъ съ рѣшительностью заявить, что фетишизмъ есть продуктъ религіознаго вырожденія и служить, такимъ образомъ, новымъ и наиболѣе сильнымъ доказательствомъ полной возможности не одного лишь прогрессивнаго, но и деградаціоннаго хода исторіи человѣчества. Робкое признаніе даннаго факта высказываютъ и сами эволюционисты, когда допускаютъ, что на ряду съ примитивнымъ фетишизмомъ, какъ „воображаемой (sic!) низшей ступеню религіи“, несомнѣнно существуетъ „суевѣрный фетишизмъ“, позднѣйшаго происхожденія, представляющій продуктъ вырожденія и порчи изъ высшихъ религіозныхъ формъ⁴⁾.

Послѣ всего того, что нами сказано, становится, болѣе или менѣе яснымъ, что эволюціонная теорія „анимизма“ первобытныхъ вѣрованій, опирающаяся въ свою очередь на гипотезу соважизма, не составляетъ научно-обоснованнаго факта, а является тенденціозной гипотезой, утверждающей на самыхъ зыбкихъ основахъ. Серьезный-же историко-психологическій анализъ тѣхъ основъ, на которыхъ думаетъ опереться современный эволюціонизмъ, приводитъ къ совершенно противоположному выводу, показывая, что древнѣйшія эпохи были относительно выше и чище многихъ, имъ послѣдовавшихъ, и что современный дикарь—не болѣе, какъ болѣзненный выродокъ раннѣйшаго, болѣе здороваго предка.

1) Zöckler „Op. cit.“ 201 s.

2) O. Pfleiderer „Zur frage nach Anfang und Entwicklung der Religion“ Jahrb. f. Protest. Theologie 65 s. 1875.

3) Zöckler—203 s.

4) Paret—Article „fetischismus“ in Herzog. R—E. IV 13. 395 s. 2 Aut.

„Наиболѣе основательные изслѣдователи въ области исторіи и быта дикарей—Вайтцъ, Герландъ и др.—говоритъ Отто Пфлейдереръ: „вынесли изъ изученія, такъ называемыхъ естественныхъ народовъ, то впечатлѣніе, что ихъ настоящее развитіе во всѣхъ отношеніяхъ—и въ политикѣ, и въ языкѣ, и въ особенности, въ религіи,—указываетъ на раннѣйшую, болѣе высокую ступень, неясные отзвуки изъ которой звучать еще и въ ихъ современномъ состояніи упадка“¹⁾. „Я держусь того мнѣнія, что цивилизація была первымъ состояніемъ человѣчества—авторитетно заявляетъ Шеллингъ,—и ближайшая задача исторіи показать, благодаря какой катастрофѣ часть человѣчества была отторгнута отъ жизни цѣлаго и какимъ путемъ шла его дегенерація изъ первобытнаго состоянія въ состояніе настоящей дикости“²⁾?

Этотъ любопытный вопросъ не остается безотвѣтнымъ въ наукѣ. По ея приговору, *état de nature* образовалось постепенно, благодаря тому, что между отдѣльными племенами человѣчества и начальнымъ центромъ, изъ котораго они вышли, произошелъ разрывъ, вслѣдствіе котораго отдѣльные экземпляры человѣчества, отдѣляясь отъ благоустроеннаго соціальнаго организма, постепенно растрчивали свое духовное богатство до тѣхъ поръ, пока не становились почти совершенно нищими матеріально и духовно. Не послѣднюю роль часто играли тутъ и внѣшнія географическо-климатическія условія, въ которыя поставляемы были эти разсѣянные племена, перѣдко вынуждаемыя борьбой за существованіе, исключительно заботиться лишь объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей тѣла, и постепенно забывать и утрачивать самое представленіе о какихъ-либо высшихъ запросахъ духа.

Неувидительно, что справедливость такого взгляда на состояніе дикости, отстаивается многими научными авторитетами, одинъ изъ которыхъ, напримѣръ, категорически заявляетъ, что „дикарь ни въ какомъ случаѣ не есть первобытный человѣкъ; онъ—часть современнаго человѣчества, вышедшая за черту культурнаго прогресса, подобно тому, какъ

1) *O. Pfleiderer* „Religiens philos. auf geschichtliche Grundlage“ II. 2. Aufl. 17—18 s. 1884.

2) *Schelling* „Lessons sur les études academiques;“ у *Tomas* II—70 p.

и за черту осѣдлыхъ центровъ человѣческаго поселенія“¹⁾. „Все это приводитъ насъ къ тому заключенію — говорить другой апологетъ,—что о быстротѣ и ходѣ развитія нашихъ предковъ нельзя судить по тѣмъ изъ ихъ потомковъ, которые не воспользовались полученнымъ наслѣдствомъ, ушли на страну далече и, подобно блудному сыну евангельской притчи, расточили свое духовное богатство; судить по нимъ о первобытномъ человѣкѣ также не основательно, какъ судить о ребенкѣ, еще не окрѣпшемъ и не развившемъ ума, но наблюденію надъ человѣкомъ, потерявшимъ свой умъ въ зрѣломъ возрастѣ“²⁾.

Признаніе всего этого, не чуждо, повидимому, и самимъ эволюціонистамъ. „Если достовѣрно, что человѣческій умъ можетъ восходить очень высоко, то не менѣе справедливо, что и спускаться онъ можетъ еще ниже“—говоритъ, напр. одинъ изъ извѣстныхъ рачіоналистич. историковъ религіи³⁾. Самъ Тайлоръ вынужденъ признать слѣдующее: „исторія показываетъ намъ, что культура, достигнутая прогрессомъ, можетъ быть утрачена чрезъ вырожденіе“⁴⁾. Еще рѣшительнѣй выражаетъ ту-же мысль Спенсеръ, говоръ: „есть причины думать, что люди низшихъ типовъ, существующіе въ настоящее время, не суть образчики человѣка, какимъ онъ былъ въ началѣ; очень возможно, а по моему убѣжденію даже въ высшей степени вѣроятно, что въ исторіи регрессъ имѣлъ мѣсто также часто, какъ и прогрессъ“⁵⁾. Въ этихъ словахъ главныхъ представителей современнаго религіознаго эволюціонизма звучитъ невольное признаніе того факта, что культурный прогрессъ человѣчества не всегда шель прямолинейно и поступательно, а допускалъ иногда значительныя отклоненія въ сторону, и даже принималъ совершенно обратное движеніе; у нихъ не хватаетъ только послѣдовательной рѣшимости признать, что въ религіозной сферѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще, „прогрессъ“ этотъ былъ условнымъ и относительнымъ.

1) *Schneider* „Die Naturvölker“ I, V s.

2) С. С. *Глаголевъ* „О проих. и первоб. состояніи рода человѣческаго“ 468 стр.

3) *Reville* „Prolegomenes de l'histoire de Religions“ 46 p. Paris. 1891.

4) *Тайлоръ* „Первоб. культура“ I. 34.

5) *Спенсеръ* „Основанія социологіи“ VIII p. 139 стр.

Справедливость требуетъ сказать, что наиболѣе серьезные эволюціонисты и сами говорятъ о дикости, лишь какъ о „гипотетическомъ“ первобытномъ состояніи, называютъ свою теорію развитія только „абстрактной формулой прогресса“ и не скрываютъ того, что, составивъ на основаніи ученія о развитіи предварительное, чисто апіорное понятіе о томъ, каковы должны быть свойства первобытныхъ идей и вѣрованій, они переходятъ, затѣмъ, къ реализаціи ихъ въ своемъ воображеніи и къ ихъ распознаванію въ дѣйствительности ¹⁾. „Установивъ эволюціонистическій принципъ, очевидно, можно писать исторію религій и не зная исторіи. Опытъ подсказываетъ, что исторію религій можно писать не зная и этнографіи. Эволюціонная теорія сама подсказываетъ каковъ должно быть генезисъ религіозныхъ вѣрованій; остается только изъ первыхъ попавшихся книжекъ о дикаряхъ набрать примѣры, иллюстрирующіе теорію“ ²⁾. Историки религій изъ школы эволюціонистовъ такъ, именно, и поступаютъ: они откровенно заявляютъ, что въ основаніе своего труда вмѣсто фактовъ кладутъ „предположеніе“ ³⁾. Но очевидно, что подобный пріемъ имѣетъ слишкомъ ничтожную научную цѣнность, чтобы ни сказать—вовсе никакой. И до тѣхъ поръ, пока позитивная наука не измѣнитъ своей основной, натуралистически-механической точки зрѣнія на религію, ея общіе и главные результаты будутъ неизбежно неудовлетворительны. „Религія, какъ и цивилизація вообще, можетъ принимать не одинъ прогрессивно-оптимистическій, но и прогрессивно-пессимистическій ходъ развитія,—грубая формы религіознаго поклоненія можетъ быть не первой ступенью религіознаго восхожденія, а двадцатой, или сотой ступенью религіознаго нисхожденія“ ⁴⁾.

Подводя итоги всему, доселѣ нами сказанному, мы неизбежно приходимъ къ тому заключенію, что господствующее въ современной наукѣ представленіе о терминѣ „первобытный“, при всей своей опредѣленности, далеко не точно: оно

1) *Тайлоръ* „Перв. культ. I, 19; *Карлсъ* „Основные вопросы философіи. исторіи“ II, 352. *Спенсеръ* „Основныя соціологіи“ 110 стр.

2) *С. С. Глаголевъ* „О происхожд. рода челов.“ 41 стр.

3) *Мензисъ* „Исторія религій“ 3 стр. СРБ. 1897.

4) *John Ray* „Contemporary Review“ 1880. перевод. Хр. Чтенія 1881. II. 41.

говарядо уже его дѣйствительнаго содержанія, такъ какъ обнимаетъ собой лишь состояніе „дикости“, которое, какъ-бы ни было древне, во всякомъ случаѣ—не изначально. Основной базисъ эволюціонной теоріи, что дикарь и первобытный человѣкъ—одно и то-же, оказывается утвержденнымъ на пескѣ, такъ какъ они не только не синонимы, но скорѣй, понятія противоположныя, и другъ друга исключаютія. Въ виду этого, самое представленіе о „первобытной эпохѣ“, какъ о состояніи дикости, и объ ея религіи, какъ наигрубѣйшей религіозной формѣ, съ полнымъ правомъ должно быть отнесено къ категоріи укоренившихся предразсудковъ, роняющихъ высокое значеніе истинной науки; посему, точная наука, просвѣщеніе и шире смотрящая на вещи, должна разъ навсегда отказаться отъ него.

Ал. Покровскій.